

УДК 141.4:291.11

О некоторых социально-философских векторах современного исламоведения

Мавляутдинов Ильдар Сафиуллович

Кандидат социологических наук, доцент,
докторант кафедры религиоведения,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: ildarmav@yandex.ru

Аннотация

Автор исходит из современного понимания научности, сформированного в парадигме постнеклассического типа научной рациональности, предполагающего гносеологическую допустимость теистических трактовок, как устройства мироздания, так и социального бытия. Цель статьи – поспособствовать нивелированию распространения сомнений и ложных представлений об исламе, свойственных сегодня западному исламоведению. Deskriptivno-preskriptivnyy podhod pozvolyaet bolee naglyadno prodemonstrirovat razlichie mezhdu sušim i dolžnym. Parallelno v racionalističeskom ključe obosnovyvaetsja ne konstruktivnost' ateizma kak mirovozrenčeskoj formy. Utverždaetsja, čto i v uslovijah globalizacii, posredstvom religiozno-filosofskogo osvoenija sociokulturnogo bytija, musulmane sposobny sohranit' svoju civilizacionnuju identičnost'. Pri otnuštvenii že strategičeskogo videnija, predpolagajuščego, prežde vsego, filosofskoe voprosnanie-issledovanie, snižajetsja obščij uroven' social'nogo bytija v celom, oslabljajutsja vitalnye sily obščestva. Obnaznačajutsja ob'єм i širota religiozno-filosofskoj sostavljajuščej islama, ego aktualnost' i inkluzivnost' (dostupnost'), a takže vzaimosvjaz' s različnymi sferami individualnoj i obščestvennoj žizni.

Для цитирования в научных исследованиях

Мавляутдинов И.С. О некоторых социально-философских векторах современного исламоведения // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 6А. С. 93-100.

Ключевые слова

Ислам, исламоведение, рациональность ислама, нивелирование атеизма, флюидная идентичность, социальная философия, саморазвитие общества.

Атеизм – признак силы ума, но только до известной степени.

Б. Паскаль

Введение

Усложнившийся (по некоторым оценкам уже до предела) сценарий общественного развития, принуждает человека к определенному типу долженствования, а именно, деятельного включения в формирование позитивного/иного сценария жизни. Тем самым, дескрипция (описание того, каково положение вещей) неминуемо увязывается с прескрипцией, т.е. с тем, как должно быть. Комплексное же, аутентичное функционирование трех общественных сред – политической, экономической и духовной, описывается (дескрипция) и предписывается (прескрипция) посредством использования категориального аппарата социальной философии. Согласно парадигме современной социальной философии, трем вышеназванным социальным средам общества имманентны самоорганизация, самодеятельность, саморазвитие и самодостаточность как основные характеристики общества в целом. Общество как самодостаточная система формируется совокупностью деятельности всех социальных институтов, в ряду которых религии отводится особое место, причем, как точно замечает Д. Эрвье-Леже, «в современном контексте текучести верований пути религиозной идентификации часто непредсказуемы и изменчивы... Регулярно практикующие католики, интегрированные в приходские общины, будь то французы, бельгийцы или итальянцы, заявляют о своей вере в реинкарнацию [Эрвье-Леже, 2015]». «Флюидная идентичность» (национальная, гендерная, религиозная) [Андерсон, 2016, 6] становится атрибутом мировоззренческих практик в странах Запада. Нивелировать скорость распространения флюидной идентичности в качестве подобного атрибута призвана, в частности, актуализация обществоведческих исследований, выполняемых в религиозном контексте.

Смысловая функциональность религии вкупе с исследованием ее (религии) категорий, составляет сущность философии религии как составной части религиоведения, и, значит, и исламоведения. Тот факт, что философия религии (ФР) относится к философии как таковой как вид к роду, а предметом философии религии по определению является религия как таковая и дискурсы о ней, обуславливает в качестве сущностной основы ФР рефлексию актуализированных временем проблем.

Вышеозначенные мировоззренческие трансформации стали массово возможны, в первую очередь, в силу глобализации (или неспособности/нежелания в силу инертности ей сопротивляться?). Безусловно, что социокультурные технологии саморазвития, как России, так и других стран, формируются в соответствии с потенциалом и ценностями людей, их населяющих. Согласившись с Бенедиктом Андерсоном в том, что «Мало найдется вещей более впечатляющих, чем огромная территориальная протяженность исламской Уммы, раскинувшейся от Марокко до архипелага Сулу, Христианского мира, простирающегося от Парагвая до Японии, и буддистского мира, тянущегося от Шри-Ланки до Корейского полуострова» [Андерсон, 2016, 55], примем как факт, что религиозными сообществами, сформированными в системе духовно-нравственных координат трех мировых религий, формируются и мировоззренческие тренды современности (хотя и не в той степени, как хотелось бы, экономика пока лидирует в этом процессе и качестве). Данные сообщества следует рассматривать как классические (объединенные священными языками), в отличие от сообществ современных наций, которые Б. Андерсон именуется воображаемыми [Андерсон, 2016, 56].

По известным и понятным причинам (главная из которых – нарастающая миграция из исламских стран, причем преимущественно молодых людей) проблематика именно ислама в Европе обсуждается оживленнее всего. По интерпретации немецкого социолога Гунара Хайнзона, именно «молодежный пузырь» (Youth Bulge) – одна из основных угроз, с которыми столкнется Запад в первой четверти XXI века. «Избыток молодых людей» – «почти всегда ведет к кровопролитию и к созданию либо разрушению империй» [Heinsohn, 2003]. Между тем, сама социальная доктрина ислама пронизана эгалитаризмом и солидаризмом, а философствование вменяется мусульманину как обязанность, на что, в частности, указывал Аверроэс в своем труде под названием «Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией» [Сагадеев, 1973].

Несмотря на наличие широко известного пусть и в узких кругах «своеобразного “атласа” знаний об исламе вообще» (так трактуется работа Брайана Тернера «Социология ислама», вышедшая в 2013г. [Рагозина, 2015, www]), современность характеризуется мировоззренческими перверсиями в отношении этой религии. Современный иранский мыслитель Мухсен ал-Вири, разделяя озабоченность исламских религиоведов складыванием неправильного образа ислама на Западе, обозначает одну из фундаментальных причин сложившегося положения вещей: «Исламоведение (западное – *И.М.*), подобно хиджабу, вместо того, чтобы открывать истинную сущность ислама, закрывает его настоящий облик от постороннего взгляда» [Ал-Вири, 2016, 275].

Прескрипция посредством исламской догматики

Важнейшей проблемой современной философии и социологии является решение вопросов, так или иначе связанных с формированием человеческой идентичности в условиях секуляризованного окружения, сложной полиэтнической и поликонфессиональной структуры общества, обусловленных процессами глобализации. Особенно актуальным представляется всестороннее осмысление вопросов, связанных с проблематикой мусульманской идентичности. Подчеркнем, что злободневность решения данных вопросов определяется не столько остротой социальных проблем, связанных с «исламским фактором», сколько особенностями рациональности исламской социальной доктрины. Ключевым моментом ислама является положение, что вне и над всеми данностями мирового бытия имеется абсолютная точка опоры: Аллах, который доведет свое дело до конца. А дело Аллаха – это ислам, который на протяжении многих веков был и есть мерило истинного и ложного, правильного и неправильного [Яран, 2017, 107].

Догматика ислама несет в самой себе потенциал, как собственного саморазвития, так и саморазвития общества в целом. Рациональность ислама опирается на разум, как внутренний побудитель, довод, являющийся для человека проводником на пути достижения совершенства и на шариат – как внешний довод, освобождающий человека от порока, регулирующий морально-нравственное соотношение и указывающий путь к единению практического и этического [Яран, 2017, 104].

В исламе утверждается, что вера – это не просто провозглашение убеждений, а настоящий образ жизни. Вера человека должна подтверждаться его праведными поступками.

Рациональность ислама в его умеренности, в его осознании меры. Предписывая не сторониться мирского и отрицая аскетизм, благочестие ислам видит в умеренности, ислам призывает человека преобразовать свое существование, руководствуясь принципами

нравственности. Чтобы преуспеть, человеку нужно объединить моральное и материальное, а не становиться аскетом. Умеренность – важнейшая и необходимая функция регулирования доли рассудочного в разумном, ведь разум, в отличие от рассудка, касается не только отношения человека с миром (метафизика), но и отношения человека с человеком (этика, право). Рациональное действие – это действие, предварительно продуманное и основанное на расчете, но не обязательно учитывающее все возможные этико-правовые последствия. Разумное действие – это рациональное действие, учитывающее все возможные последствия и интересы других людей. Умеренная (в смысле «ограниченная мерой») рациональность ислама как раз и предполагает этико-правовую систему, обеспечивающую разумные действия.

Ислам принес новое и целостное мировоззрение, включая сюда и новые знания политического, экономического, правового характера – сформулированного на языке религии и объединяющего рациональность с верой в высшее провидение. Согласно исламской концепции рациональности, словами пророка Аллах объясняет человеку, как тот должен себя вести в жизни; увещевает ли он или угрожает наказанием, но только сам человек, в конечном счете, самостоятельно делает выбор, с помощью полученного от Аллаха разума. [Яран, 2017, 108].

Знание и вера в исламе представляют единое целое, отражая различные его аспекты, и это обстоятельство необходимо учитывать при сопоставлении исламского понятия «знание» с таковым в других культурах [Яран, 2017, 110]. Аллаху ведомо не только настоящее, но и будущее, он все знает наперед и предопределяет все поступки людей. Многие исследователи находят в этом противоречие: деяния человека предначертаны богом, и в то же время ответственность за свои поступки несет сам человек. На наш взгляд, противоречие это видится от недопонимания значения этики в арабо-мусульманской культуре. В данном случае человек несет ответственность за мотивации, намерения своих поступков. Коран утверждает важность намерений, обуславливающих те или иные поступки человека и если эти намерения верны, то человеку открывается Божье знание. Так, совершенствуясь духовно, человек постигает и Бога и, соответственно, мир. В этом состоит концептуальная особенность рациональности в исламе, неотделимости знания от веры. Знание Аллаха является ипостасью его всемогущества, а человеческое знание подчинено вере и покорности этому всемогуществу [Яран, 2017, 110-111].

Нивелирование атеизма как способ саморазвития общества

Свойственная советскому научному атеизму идея несовместимости научного и религиозного познания начала «тонуть» в Лете¹ с воцарением в российской науке постнеклассического типа научной рациональности, совпавшего по времени с крушением СССР [Антонов, 2015, 99]. Развитие представлений в отношении понятия жизни привело к интерпретированию классических представлений о рациональности, поиску альтернативных путей рационализации и становлению нового, неклассического образа рационального, обладающего теми же чертами, что и рациональность веры - онтологическим гносеологизмом, рациональностью поступка, эпистемологическим воссоединением объекта и субъекта познания.

Определение неклассической рациональности, в том числе и рациональности веры, все еще находится в стадии становления и является очень актуальной и обсуждаемой задачей

¹ Лета – река забвения в древнегреческой мифологии.

современной философии. Можно выделить следующие важнейшие отличительные черты классической и неклассической рациональности: классическая рациональность предполагает логическую форму разума как исключительное средство познания мира; статичный образ бытия; гносеологический принцип, абстрагирующий личность познающего субъекта с его противопоставлением объекту познания; фундаментализм и универсальный характер науки, реализующий иерархичность и однолинейность познания.

Среди совокупности факторов, обуславливающих воспроизведение традиционных для России властных отношений, одним из определяющих является фактор религиозный. Несмотря на то, что российское общество в существенной степени секуляризовано, в условиях неэффективности демократических преобразований именно этот фактор начинает оказывать существенное влияние на направленность трансформации базовых общественных институтов, тектонических сдвигов в социальной и политической сферах.

Активизация традиционной религиозности, которая отмечается в современности практически во всех странах и обществах, имеет разные первопричины, интенсивность и глубину охвата слоев населения, однако во всех проявлениях этой активности присутствует единый вектор, направленный не столько на обоснование «божественного», сколько на противодействие «безбожному». Противостояние отрицанию божественного становится той идеей, которая лежит в основе взаимодействия различных культур в глобальном мире. Каким образом будет осуществляться это взаимодействие, в значительной степени зависит от соотношения в обществах религиозного и светского мировосприятия. В этой ситуации необходима оценка развития в обществе не только религиозности, но и атеистического сознания, памятуя при этом, что «религия, которой не служат, а которую “потребляют”, – это как раз и есть суеверие» [Кураев, 2007, 62].

Атеизм, во всем разнообразии форм его определения, являлся прагматичной интерпретацией современной секуляризации. Рациональность атеистического мировоззрения ограничена пределами человеческой способности к отрицанию, реализуемой при определенных социальных условиях. Эти пределы, в свою очередь, определяются отношением к бесконечности, ибо всякое нечто воспринимается в атеизме, как конечное. Понимание «бесконечности», как «безграничность», утверждаемая атеизмом, абсолютно не когерентно теистической бесконечности божественного, которая включает ничто, не противопоставляясь ему.

Вера рациональна в той же степени, что и атеистическое неверие. Рациональное переосмысление религиозной мысли, споры с атеизмом, не привели к уменьшению значения религии в жизни современного общества. Рациональная природа веры приводит к тому, что религия начинает оказывать все большее воздействие непосредственно на личность, которая выбирает теперь веру осознанно, освобождаясь от принуждения со стороны церкви.

Диалектика разума и веры состоит в том, что откровения веры проясняют не тех, кто требует рациональных ее подтверждений, но тех, кто предельно рационализировал свое поведение. Эта предельная рационализация поведения есть не что иное как совесть.

Вместе с этим, атеизм, как социальное явление, присутствует в роли неизбежного спутника чувственной системы истины, при этом он органически вписался в научную картину мира ровно настолько, насколько освободил религию от необходимости формулирования доступного объяснения прагматичной повседневной рациональности, и, тем самым, дал колоссальный толчок дальнейшему, качественно новому, развитию религиозной мысли именно в русле гуманитарного знания, в том числе за счет ревизионизма.

Заключение

При всей актуальности затронутой нами тематики оговоримся, что разделяем мысль, известную со времен издания Джоном Локком его «Послания о веротерпимости», увидевшего свет в 1686 году: «религиозные верования не могут быть, в силу их природы, принудительными» [Талиаферро, 2014, 109]. «Духовные инварианты различных религий “составляют истинную религию и имеют нравственно-обязывающий смысл для современного человека – человека, который в познавательной деятельности руководствуется критериями разума и в практическом поведении стремится не выходить за рамки индивидуально ответственных действий. Толстой доказывал, что у людей, принадлежащих к разным народам и культурам, в серьезном смысле нет оснований для вражды, что на высоте истинно человеческого предназначения все религиозные и философские учения сходятся между собой”» [Гусейнов, 2009, 19]. В условиях уже de facto состоявшейся глобализации, «значение этнической принадлежности с точки зрения социальной функциональности зачастую имеет меньшую релевантность, чем это было раньше. И в то же время этносы не угасают, а напротив, оживают и приобретают новые формы и пространства процветания» [Момджян, 2015, 174].

Отвечающее современным требованиям исследование идеологической доктрины ислама, демонстрирует ее потенциал как публичной формы общественного сознания, обладающей собственной мировоззренческой базой и глубоко рациональной по своей сути, иначе говоря, мощной социальной доктрины. В этом своем качестве ислам способен интегрироваться в любое мультикультурное и поликонфессиональное пространство, стоять на страже традиционных семейных ценностей, отличаясь гибкостью и открытостью к реформам и переменам.

Исламоведение направлено на формирование целостного представления об исламе как идеологической системе на основе комплекса знаний. Стабилизирующий же общественные отношения потенциал ислама, формируется следующими его основоположениями: от рационалистической философии ислама, через рациональные правовые и социально-политические аспекты толерантности и гуманизма к экономическим отношениям и целостной социальной доктрине.

Библиография

1. Ал-Вири М. Изучение ислама на Западе. М.: Сандра, 2016. 324 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
3. Антонов К. Этносы религии и формы рациональности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 95-135.
4. Гусейнов А.А. Еще раз о возможности глобального этоса // Век глобализации. 2009. №1. С. 16-27.
5. Кураев А. Диспут с атеистом. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 160 с.
6. Малахов В., Летняков Д. Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №2 (36). С. 248-271. DOI: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271>
7. Момджян К.Х. (ред.) Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования. М., 2015. 439 с.
8. Паскаль Б. Мысли. СПб.: Азбука-классика, 2004. 336 с.
9. Рагозина С. Об антиориенталистской социологии ислама Брайана Тернера // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 297-310.
10. Сагадеев А.В. Ибн Рушд (Аверроэс). М.: Мысль, 1973. 207 с.
11. Талиаферро Ч. Доказательство и вера. Философия и религия с XVII века до наших дней. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. 584 с.
12. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1 (33). С. 254-268.

13. Яран С.Д. Рациональность веры в Бога в современной философии религии. Казань: МеДДок, 2017. 212 с.
14. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zürich: Orell Füssli Verlag AG, 2003. 190 s.

About some social-philosophical vectors of modern Islamic studies

И'дар S. Mavlyautdinov

PhD in Sociology, Associate Professor,
Doctoral Candidate at the Department of Religious Studies,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: ildarmav@yandex.ru

Abstract

The author proceeds from the modern understanding of science, formed in the paradigm of the post-non-classical type of scientific rationality, suggesting the gnoseological admissibility of theistic interpretations of both the structure of the universe and social being. The purpose of the article is to contribute to leveling the spread of doubt and misconceptions about Islam inherent in Western Islamic studies today. A descriptive-prescriptive approach was chosen, which allows to clearly demonstrate the difference between the real and the proper. In parallel, the constructiveness of atheism as an ideological form is substantiated in a rationalistic vein. It is argued that in the conditions of globalization, through religious and philosophical development of socio-cultural life, Muslims are able to preserve their civilizational identity. In the absence of a strategic vision that presupposes, above all, a philosophical questioning-study, the general level of cultural life as a whole is reduced, the vital forces of society are weakened. The volume and breadth of the religious and philosophical component of Islam, its relevance and inclusiveness (accessibility), as well as interrelation with various spheres of individual and social life are indicated. Islamic studies are aimed at forming a holistic view of Islam as an ideological system based on a complex of knowledge. The potential of Islam that stabilizes social relations is shaped by the following principles: from the rationalistic philosophy of Islam, through rational legal and socio-political aspects of tolerance and humanism to economic relations and holistic social doctrine.

For citation

Mavlyautdinov I.S. (2018) O nekotorykh sotsial'no-filosofskikh vektorakh sovremennogo islamovedeniya [About some social-philosophical vectors of modern Islamic studies]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (6A), pp. 93-100.

Keywords

Islam, Islamic studies, the rationality of Islam, leveling atheism, fluid identity, social philosophy, self-development of society.

References

1. Al-Viri M. (2016) *Izuchenie islama na Zapade* [The study of Islam in the West]. Moscow: Sandra Publ.

2. Anderson B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole Publ.
3. Antonov K. (2015) Etosy religii i formy racional'nosti [Ethos of religion and forms of rationality]. In: *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 1 (33), pp. 95-135.
4. Ervie-Leger D. (2015) V poiskakh opredelyonnosti: paradoksy religioznosti v obshchestvah razvitogo moderna [In Search of Certainty: The Paradoxes of Religiosity in Developed Modern Societies]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 1 (33), pp. 254-268.
5. Guseinov A.A. (2009) Eshchyo raz o vozmozhnosti global'nogo etosa [Once again about the possibility of a global ethos]. *Vek globalizatsii* [Age of globalization], 1, pp. 16-27.
6. Heinsohn G. (2003) *Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag AG.
7. Kuraev A. (2007) *Disput s ateistom* [Dispute with an atheist]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya Publ.
8. Malakhov V., Letnyakov D. (2018) Islam v vospriyatii rossiiskogo obshchestva: sravnitel'no-politicheskii aspekt [Islam in the perception of Russian society: a comparative political aspect]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 2 (36), pp. 248-271. DOI: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271>.
9. Momdzhyan K. (ed.) (2015) *Etnos, natsiya, tsennosti: Sotsial'no-filosofskie issledovaniya* [Ethnicity, Nation, Values: Socio-Philosophical Studies]. Moscow.
10. Pascal B. (2004) *Mysli* [Thoughts]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ.
11. Ragozina S. (2015) Ob antiorientalistской sotsiologii islama B. Ternera [On the anti-orientation sociology of Islam by Brian Turner]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 1 (33), pp. 297-310.
12. Sagadeev A.V. (1973) *Ibn Rushd (Averroehs)* [Ibn rushd (Averroes)]. Moscow: Mysl' Publ.
13. Taliaferro C. (2014) *Dokazatel'stvo i vera. Filosofiya i religiya s XVII veka do nashikh dnei* [Proof and faith. Philosophy and religion from the XVII century to the present day]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury: Znak Publ.
14. Yaran S.D. (2017) *Ratsional'nost' very v Boga v sovremennoi filosofii religii* [Rationality of faith in God in modern philosophy of religion]. Kazan: ID MeDDok Publ.